

Дэвид Дэниш

ПРЕКРАСНЫЙ ДЕНЬ, ЧТОБЫ УМЕРЕТЬ

«Сегодня среда, и сегодня я умер», — с таких слов начинается великолепный роман «Прекрасный день, чтобы умереть», написанный с невероятной искренностью — такой, какую вы встретите только среди близких друзей.

«Прекрасный день, чтобы умереть» рассказывает о тщетных попытках молодого человека побороть абсурдность всеобщей смерти, придать смерти какое-то значение — как если бы это вообще было возможно. Это бессмысленная борьба между надеждой и страхом, Богом и землей, жизнью и смертью.

Дэвид Дэниш ПРЕКРАСНЫЙ ДЕНЬ, ЧТОБЫ УМЕРЕТЬ

*Посвящается Дону,
Кайлу и Тай*

Предисловие

Это художественное произведение, но поскольку любой вымысел определяется его целью, вы можете считать все события реальными. Эта история основана на моем собственном опыте, как я спустился в самое сердце тьмы, в темноту, которая скрывает абсолютно все. Я описывал события так, как они происходили, не так, как мне бы хотелось. Ничего не было скрыто, изменено. Ничего не было опущено, преувеличено. Не было исправлений, переосмыслений, пересмотров. Я понимаю, что я открылся сильнее, чем предполагал. Плюс в том, что никто не слышит меня. Если ты исповедуешься, ты говоришь с пустотой. Без посторонних. Я знаю это, потому что это знает Бабер.

В отличие от большинства художественных произведений, все места и события, о которых рассказано в этом романе, совершенно реальны, как

реальны и вы, когда собираетесь читать его. Это не вымысел, в котором все действия происходят между головой и руками. Однако, имена персонажей изменены, но не потому что они могут обратиться с претензией, а потому что большинства из них нет в живых.

1

Сегодня среда, и сегодня я умер. Мое сердце перестало биться. Я больше не дышу, но кажется, что мое тело все еще функционирует. Мой мозг продолжает работать, я могу слышать и видеть. Я едва могу разобрать, где я — лежу на спине, в груди жуткая боль. Должно быть, у меня случился сердечный приступ, или меня ударили ножом. Голова раскалывается, и я чувствую что-то горячее у затылка. Вокруг невероятный грохот, он оглушает, мне кажется, я слышу безумные крики вокруг. Что-то горит. В воздухе висит черный дым. Кажется, все вокруг охвачено пламенем. Давно забытые воспоминания проносятся перед глазами. Я смотрю на все, словно я сижу в театре и в то же время сам играю на сцене.

Морварид — один из лучших ресторанов Тегерана. За старым фасадом, которому не меньше сотни лет, скрывается современный интерьер. Пол

вымощен лазуритом и частично покрыт кашанскими коврами. В заведении очень высокий потолок с хрустальными люстрами. Около дюжины широких колонн поддерживают крышу, украшенную яркими резными миниатюрами. Сражения с греками, арабами, турецкими захватчиками, разрушение Персеполиса Александром, завоевание Вавилона Царем Киром и другие славные моменты персидской истории изображены там.

Я пришел в Морварид не за тем, чтобы поесть — это было мне не по карману. Я пришел, чтобы найти себе женщину на ночь. Морварид — это не обычный ресторан. Это место, где женщины и мужчины могут встречаться без надзора исламистов. Секс вне брака незаконен, запрещен Аятоллами и наказуем. Телесная близость в Исламе — это что-то темное, безобразное, злое и постыдное. Это то, за что нужно раскаиваться и что нужно прятать за дверью спальни. Одиноким мужчинам и женщинам запрещено встречаться. У них нет свободы в выборе партнеров. Практически все браки заключаются по настоянию родителей, родственников или властей. *Комитет*, мобильный отряд Корпуса стражей исламской революции, занимается слежкой за неженатыми парами и их поимкой. В этой стране случайные связи опасны, как альпинизм или глубоководный дайвинг.

Наказание за незаконный секс — до шести лет тюрьмы, за супружескую измену — забивание камнями насмерть. И все же это не означает, что секса здесь нет. Он повсюду, и за ним наблюдают с тревогой и трепетом.

Жить в исламском обществе — все равно, что заниматься сексом с женщиной, которая тебе отвратительна. Если ты все-таки соглашаешься, ты закрываешь глаза и думаешь о жене соседа или какой-нибудь другой девушке, которая тебе по-настоящему нравится. Ты пытаешься забыть, кто ты, притворяешься, что ты кто-то еще, где-то еще. Физически ты здесь, но твой разум убегает в вымышленный мир, который ты сам себе сотворил. Так мы живем в Иране.

Лживая, испорченная иранская культура порождает расстройства личности. Люди существуют в одном теле, но во множестве миров. У себя дома никто не носит масок, но как только он выходит на улицу, каждый вынужден приспособливаться. Конечно же, это не мешает тому, как мы живем изо дня в день, мы знаем, что мы делаем. Но это все — тайна, а за ней — другая, и все они вплетаются в одну огромную паутину лжи. У истины нет конкретного значения, и она может меняться так же быстро, как и погода. Со стороны все кажется сложным, но если бы вы выросли в этой стране, вы бы даже не

задумывались над тем, что вы делаете или говорите. Вы бы просто жили, словно на автопилоте.

Когда мне принесли пиво, я попробовал его и поморщился. Мне совершенно не нравилось персидское безалкогольное. Но это был пароль, и мне ничего не оставалось, кроме как пить его. Только так шлюхи могут увидеть во мне потенциального клиента. Все, что мне нужно было делать — это пить пиво и ждать. Все шло очень медленно, но скучно не было. Опасность пьянила меня.

Сделав еще пару глотков, я повернулся к женщине, сидевшей за столиком у окна. Я был просто очарован ее карими глазами, полными губами и гладкими черными волосами. То, что такая прекрасная женщина сидела одна, казалось подозрительным, и все же я не мог оторвать от нее взгляда. В ответ она слегка повела бровью. Время шло. Она смотрела на меня, а я на нее. С того момента, как наши взгляды встретились, я не мог спокойно сидеть на месте, мне казалось, что сердце вот-вот выпрыгнет из груди. Моя цель — показать, кто я. Остальное разрешится само. Мне нужно было продемонстрировать ей, что мне нечего прятать, что я абсолютно уверен в себе. Я почувствовал, как между нами установился немой контакт, как между

людьми из разных стран, которые не знают языка, но каким-то образом умудряются общаться.

Я терпеливо ждал знака, какого-нибудь сигнала. Если она опустит глаза или посмотрит в сторону, это будет значить, что она оценила мою смелость. Если она отвернется, это будет означать, что она увидела, какой я на самом деле. Самым нежелательным ответом будет, если она продолжит смотреть на меня, словно ничего не замечая. Она продолжала смотреть на меня.

Каждый раз, когда я снова оглядывал ее, я встречался всё с тем же неподвижным взглядом. Я поднял бокал с пивом и механически осушил его до половины, чтобы показать пароль. Все это было очень волнующе, и в то же время в этом было что-то неправильное. Внезапно в моей душе воцарилась странная тишина. Казалось, что все в ресторане было значимым, но я не мог понять, что за этим скрывалось. Она была старше меня, наверное, лет на двадцать. У нее могло быть четверо детей. Я хотел ее.

Ко мне подошел официант и спросил:

— Сэр, вы готовы сделать заказ?

Я поднял глаза, и один взгляд на него буквально обездвижил меня.

— Позвольте мне помочь вам, сэр, — сказал он, поглаживая подбородок кончиками пальцев,

словно собираясь пошутить. — Наше меню состоит из трех списков. Вверху каждого из них вы можете видеть основные блюда. Десерты не включены. Мороженое подается с чашкой кофе или чая, и...

Я перебил его:

— Пива, будьте добры.

— Пива?

— Да. Это незаконно?

— Нет, нет, что вы! — ответил он и суетливо убежал прочь.

Я взглянул на часы. Десять минут девятого вечера. Я зажег сигарету и жадно затянулся. На меня накатывала скука. Я обдумывал, планировал все в течение нескольких недель, но именно теперь, когда я был там, на месте, меня вдруг начали одолевать сомнения. Я подумал, что неплохо было бы уйти, но я знал, что если я и уйду, то завтра все равно не удержусь, и снова вернусь сюда же.

Немолодая женщина подошла к моему столу. Она была низкой, почти карликом, а на ее левом плече возвышался горб. Ее лицо было изрезано глубокими морщинами, на подбородке виднелась черная родинка — я насчитал пять торчащих из нее волос.

— Привет, — сказала она. — Могу я присесть?

— Чего вам нужно?

— Это я должна задать этот вопрос, — ответила она и опустилась на стул рядом со мной. — Я вижу, вам скучно, быть может, я могу составить вам компанию.

— Мне не скучно, и компания ваша мне не интересна. А теперь проваливайте!

— Заткнись, — процедила она сквозь зубы.

На лбу ее проступила сетка морщин, а брови поднялись, словно усики насекомого.

— Ты даже не представляешь, кто я, правда? Неудивительно, что ты выглядишь так тупо. Я здесь главная. Ты в моем бассейне, а я большая рыба, это понятно? Если ты заткнешься и послушаешь, то поймешь, почему я разговариваю с идиотом вроде тебя.

Ее тело не было похоже на настоящее, скорее, оно выглядело как уродливая кукла, с бледной маской на месте лица, как карикатура — не как живой человек. Но ее неожиданное появление и слова заставили меня подчиниться.

— Что ты здесь делаешь? — спросила она.

— На что это похоже?

— Что ты ищешь?

— Так заметно, что я что-то ищу?

— Какую женщину тебе нужно?

— Что?

— Ты хоть знаешь, какой ты смешной? — сказала она. — Я слежу за тобой с самого твоего появления. Совершенно очевидно, что тебе надо.

— Тогда зачем вы спрашиваете?

— Хорошо, молодой человек. Я спрошу еще раз, и потом уйду. Что тебе здесь нужно?

Было очевидно, что ей всё известно, так что я не видел смысла притворяться и дальше. Я огляделся, наклонился вперед и прошептал:

— Мне нужна женщина.

— Какая? — спросила она, и, заметив отсутствующее выражение моего лица, добавила — Молодая, старая, худая, толстая, высокая, низкая, цветная, арабская, турецкая, русская. Уточни.

— Просто женщина. Любая.

— Я вижу, это очень срочно, — сказала она и захохотала, широко раскрыв беззубую пасть. Потом вытерла губы потрепанным платком и продолжила, уже серьезно.

— Деньги есть?

— Да.

— Хорошо, — сказала она, посмотрев куда-то в сторону. — Жди здесь. С тобой свяжутся.

Она встала и подошла к барной стойке, заговорила с каким-то бородачом. Они перекинулись парой слов, потом она надела шляпу и направилась к выходу. Бородач открыл дверь и выпустил ее, не говоря ни слова.

За барной стойкой виднелась небольшая деревянная служебная дверь. Она тихонько поворачивалась всякий раз, когда кто-то из персонала входил или выходил. Я не мог отвернуться от той двери, я продолжал смотреть, несколько человек появились позади барной стойки. Бородач кивнул официантам, они тоже кивнули в ответ. Я терпеливо ждал, когда со мной свяжутся, положив локти на стол. Официант, который принес мне меню, снова подошел к моему столику. На этот раз он положил передо мной записку, развернулся и молча ушел.

Одновременно удивленный и взбешенный, я развернул листок и начал читать.

«Это Революционная Полиция. Вы арестованы. Встаньте с места и спокойно идите к двери».

Я перечитал записку несколько раз. Сперва я подумал, что это кто-то решил надо мной подшутить. И только теперь, когда я наконец осмотрелся, я заметил, что за соседним столиком все это время сидели двое мужчин в серых куртках. Я не понимал, как я мог их раньше не заметить. Они ничего не ели и не пили, просто сидели и смотрели на меня.

Я быстро направился к двери, еле держась на ногах. Я не прошел и трех шагов, как меня схватили за плечо и ударили кулаком в лицо, едва я

попытался обернуться и посмотреть, кто это был. Ноги не выдержали, я упал, мне заломили руки. Тяжёлый ботинок опустился мне на шею, прижимая меня к полу. На запястьях защелкнулись наручники, меня схватили за плечи и снова поставили на ноги. Разговоры в ресторане затихли, почти все посетители стояли и смотрели на происходящее. Меня вытолкали из дверей и запихнули на заднее сиденье уже поджидавшего белого грузовика.

2

Рамат — это небольшой пост революционной гвардии в Тегеране. Десять лет назад в здании находился музей. После исламской революции его экспроприировали и превратили в тюрьму, как и многие другие учреждения.

В приемной гвардейцы сняли с меня наручники. Они сфотографировали меня, взяли отпечатки пальцев, записали мой адрес и номер телефона. Мы вернулись в главный зал, и гвардеец провел меня сквозь толпу. Нас окружали вооружённые автоматами революционеры, следившие за порядком. Мы прошли через весь зал, потом меня повели вниз через какую-то квадратную каморку, потом еще ниже, по узкой лестнице, прямо в подвал. Не было слышно ни звука, кроме

отдаленного эха наших шагов. Наконец мы оказались перед большим помещением, соединявшимся с несколькими коридорами. Гвардеец остановился перед запертой дверью и постучал, отбивая какой-то ритм. На уровне лица отворилась небольшая задвижка, два маленьких внимательных глаза мелькнули за ней, привратник осмотрел разрешение и подтвердил его. Ключ повернулся в замке, и дверь распахнулась.

«Салам Алейкум», — приветствовали друг друга гвардейцы, пока меня вели дальше по коридору.

Замок позади меня тут же заперли. Еще три шага, открылась следующая дверь, и мы очутились в длинном коридоре с небольшими камерами вдоль стен. Меня грубо втокнули в одну из них, и я услышал щелчок задвижки за спиной. Потом в камеру донесся удаляющийся звук шагов, петли скрипнули, а затем воцарилась тишина, в которой я вдруг ощутил, как болезненно пульсируют раны на скулах.

Я огляделся и заметил, что кто-то смотрит на меня с другой стороны коридора. Черты лица были совершенно неразличимы при таком тусклом освещении, я не мог разобрать даже цвет кожи, единственное, что я мог понять, — за решеткой стоял человек, и он держал руки в карманах. Его фигура была скрыта тенью, кроме глаз, ярко

блестевших в тусклом свете тюрьмы. Эти глаза неотрывно смотрели на меня.

— На что уставился? — спросил я, чтобы удостовериться, что это был человек, а не призрак.

— Ты приделся, они тебя на празднике поймали? — Он переминался с ноги на ногу. — Мне было одиноко. Меня оставили наедине с моими мыслями, а их в моей голове тысячи, и одна страшнее другой. Я рад, что ты пришел.

Мои глаза медленно привыкли к темноте, и я наконец смог рассмотреть его получше. Он выглядел измотанным. Его взгляд был усталым и неподвижным. Он был здесь уже давно, один, лежа во тьме, борясь с кошмарами, наводнившими разум.

— Что с тобой случилось, — спросил он.

— Сыр был в мышеловке, а кошки ждали рядом.

— Я знаю, знаю. Эти ублюдки всегда набрасываются на тебя, словно стая волков. Готов поспорить, все произошло у всех на виду, — он выдержал паузу, а потом добавил еще, — Да, это их метод. Они всегда работают напоказ. Все для того, чтобы произвести впечатление и посеять ужас. Это работает.

— Что ты сделал? — спросил я.

— Ничего особенного. Просто делал свои дела, когда они меня схватили.

— Какие дела?

— Я продавал птиц на улице, но мне сказали, что это теперь незаконно. В этой гребаной стране все незаконно.

— Но я невиновен, — проговорил я очень тихо. — Я ничего не сделал.

— В этой стране нет невиновных, — отрезал он.

— Что с нами будет?

— Я не знаю, да мне и наплевать.

— Как тебя звать? — спросил я, глядя на него.

Он прислонился к стене, его взгляд стал более отвлеченным.

— Рамин. — ответил он, — А тебя?

— Я Бабер.

Через час двое гвардейцев привели нас с Рамином в зал суда, и с нами был еще один человек, которого я раньше не видел. Дверь помещения постоянно открывалась и закрывалась, люди входили и выходили. Народ прибывал, и судебные чиновники занимали свои места за столами.

«Всем встать!» — прокричал один из гвардейцев.

Когда он убедился, что вслед за его приказом люди поднялись со своих мест, он торжественно и громко произнес имя судьи:

«Его Святейшество Аятолла Сид Факродин Ибн-аль-Камалодин Шейх Нассредин Хаджи Мир Закер Джилани».

Аятолла вошел в зал суда в сопровождении трех вооруженных людей. Он медленно проследовал к своей трибуне через все помещение. На голове его красовался черный тюрбан, а на плечах лежала белая накидка, открытая спереди. Цоканье каблуков его туфель эхом раздавалось по всему залу, пока он шел, и собравшиеся в зале кланялись ему. Он прошествовал к своему месту, заложив руки за спину, кивая головой в ответ на множество обращенных к нему приветствий, потом опустился за свой стол, достал платок из кармана, высморкался, вытер бороду и брови. Наконец, он жестом разрешил собравшимся сесть.

Я слышал о нем. Рассказывали, что он суров, жесток и дик, как и все фанатики. Он заработал репутацию бескомпромиссного судьи, который не признавал никаких исключений. Аятолла был знатоком теологии Ислама, законодателем, политиком, оратором и писателем. Он написал несколько книг о том, какую важную роль в обществе занимает религия. В одной из них, «Сила религии», он утверждал, что люди не уважают ничего, кроме силы, власти и авторитета. Он совершенно искренне верил, что был

представителем Бога на земле, и что его долг — вершить правосудие над людьми.

В свете лампы казалось, что лицо Аятоллы полностью провалилось в темноту под тюрбаном и густыми бровями. Он подождал, пока часы пробили двадцать два раза, и дал знак начинать суд. Обвинитель, революционный офицер в форме цвета хаки и армейских ботинках, подошел к своему столу. Он положил кипу бумаг на стол, выпил воды и громко произнес:

— С разрешения Его Святейшества, я вызываю на суд Джабера Носрата.

Человек, сидевший возле нас с Рамином, встал и подошел к свидетельской стойке. Обвинитель достал листок из стопки бумаг, взглянул на Аятоллу, и объявил статью:

— Грабеж.

Он остановился и посмотрел на Аятоллу, который кивнул ему в ответ.

— Утром 10 октября 1983 года, — начал читать обвинитель, — господин Джабер Носрат вошел в ювелирный магазин Казем на бульваре Руш. Он подошел к владельцу и ударил его ломом. Тот упал, но смог нажать кнопку экстренного вызова и предупредить полицию, а также владельцев соседних магазинов. Господин Джабер обобрал 18 лотков с бриллиантовыми ожерельями,

но был арестован службой безопасности до того, как он успел скрыться на машине.

Во время этого доклада Джабер старался не смотреть на обвинителя. Но взгляд его жгуче-черных глаз, то и дело останавливавшийся на Аятолле, казался неожиданно сильным и властным для такого низенького, худого человека.

— Что ты можешь сказать в свою защиту? — спросил Аятолла, не поднимая глаз.

Это был первый раз, когда он заговорил. Его слова эхом отозвались в зале суда.

— Я всегда был верен Революции, — ответил Джабер.

Когда он это произнес, я заметил застарелый шрам у него под подбородком. Из-за него на лице Джабера словно бы застыла вечная ухмылка.

— Тебя задерживали ранее? — спросил Аятолла.

— Нет.

— Да, его арестовывали несколько раз, — перебил прокурор. — В прошлом году его поймали на складе, он украл батареи. Выпущен из тюрьмы за примерное поведение через три месяца. Еще через пару месяцев, 15 июля, его опять задержали за продажу краденых автомагнитол. Приговор — шесть месяцев тюрьмы.

— Ты женат? — поинтересовался Аятолла.

— Да, господин, — ответил Джабер.

— А дети у тебя есть?

— Да, четверо.

— Чем ты зарабатываешь на жизнь, когда не воруеть?

— Я плотник.

Аятолла опустил голову, задумался на несколько мгновений, бормоча что-то себе под нос. И почти сразу же выдал свой вердикт:

— Отрубить ему левую руку до запястья.

В темных углах зала заплясали тени. Головы закивали. Казалось, что Джабер не понимал, какое наказание ему назначили. Его взгляд прыгал с Аятоллы на обвинителя и обратно. Внезапно он осознал, что произошло, и пронзительно вскрикнул:

— О Господи, нет!

— Тишина! — приказал Аятолла.

— Ваше Святейшество! — взмолился Джабер, упав на колени. — Сжальтесь надо мной!

— Я уже сжалился, — тихо проговорил Аятолла. — Я мог приказать отрубить обе руки.

— Я не смогу работать с одной рукой! — запротестовал Джабер, глядя на судью так, словно бы он пытался испепелить того на месте.

— Ты найдешь способ. Ты не первый вор в этой стране, который останется без руки.

— Слепец счастливее одноглазого, — неожиданно серьезно ответил Джабер.

— Не спорь со мной, — сухо отрезал Аятолла. — Ты на моём суде, и я вижу твою вину. Договориться со мной у тебя не получится.

— Ради Бога! — выкрикнул Джабер.

— Следующий!

Джабер продолжал рыдать и выкрикивать что-то нечленораздельное.

— Тишина! — рявкнул Аятолла, приказав гвардейцам увести заключенного из зала суда.

Трое из них схватили Джабера за плечи. Они попытались поднять его, но тот вцепился в стул. Когда же гвардейцам удалось вырвать стул из его рук, он упал на пол и распостёрся на нём, пытаясь удержаться руками и ногами. Было ясно, что дело закрыто, но Джабер еще надеялся на отсрочку. Аятолла был единственным человеком, который мог отменить вердикт об ампутации, и Джабер собирался плакать и умолять до тех пор, пока судья не изменит свое решение. Двое из гвардейцев начали пинать его в грудь. Третий схватил его за плечи и сильно потрянул. Когда это не сработало, на помощь подошли еще пара человек, и они все вместе потащили Джабера к двери. Он дышал тяжело и шумно, как бык, а его глаза были наполнены слезами.

— Ваше Святейшество! — прокричал Джабер сквозь зубы — Подождите! Всего одно мгновение! Проклятое правосудие! Вы осудили меня, не

удосужившись сперва даже выслушать. Я не родился вором, вы понимаете?

Гвардейцы продолжали тянуть его к выходу. Джабер стонал, плакал, выкрикивал ругательства и отбивался, размахивая руками во все стороны. Наконец несчастного удалось вывести из зала суда. Дверь закрылась, но в наступившей тишине всё ещё слышались его крики.

Аятолла выглядел озадаченным. Внутренней стороной рукава он вытер пот с губ и со лба. Как только в суде снова установился порядок, обвинитель продолжил:

— С разрешения Его Святейшества я вызываю на суд Рамина Сафу.

Рамин подошел к стойке и сел. Впервые я смог подробно его рассмотреть. Ему было не больше двадцати. Его лицо было мертвенно бледным, он выглядел совершенно истощенным, а его взгляд сновал туда-сюда с воробьиным проворством. Его голова была гладко выбрита и темна от загара, и на висках просвечивали синие вены. Он поднял глаза и окинул взглядом всех собравшихся в зале.

«Мошенничество», — озвучил обвинитель.

Он поднял очки на переносицу и начал читать.

— В течение двух недель сотни людей подали жалобы на молодого торговца птицами. На основании собранной информации нам удалось

составить его портрет и распространить его среди патрульных. Через несколько недель мы обнаружили Рамина Сафу у южных ворот Национального Парка, где он продавал канареек. Он был арестован и приведен сюда. После быстрого осмотра стало ясно, что Рамин Сафа окрашивал воробьев куркумой и продавал их под видом канареек.

Голова Аятоллы опустилась на грудь, а его плечи затряслись. Сперва это была легкая дрожь, потом словно конвульсии охватили все его тело. Он откинул голову назад и разразился хохотом, больше похожим на извержение вулкана. Он хлопал в ладоши и смеялся, широко раскрыв рот и обнажив не только зубы, но и дёсны, будто гиена.

Аятолла приподнялся, достал платок и высморкался. Наконец он довольным голосом задал вопрос:

— А как потерпевшие узнали, что это были воробьи, а не канарейки?

— Воробьи очень чистоплотны, — ответил обвинитель. — Если они видят воду, они тут же начинают купаться.

— Сынок, как тебе в голову это пришло? — спросил Аятолла.

— Что «это»? — В голосе Рамина не слышалось никаких эмоций.

Казалось, что вся уверенность разом к нему вернулась. Он сидел на стуле, положив руки на колени, как человек в очереди к парикмахеру.

— Он все отрицает, Ваше Святейшество, — произнес обвинитель. — Он заявляет, что купил птиц у торговца из Индии.

— Ты можешь сказать, где живет этот торговец из Индии? — спросил Аятолла.

— Нет, — ответил Рамин. — Он путешествует из города в город. Я обычно встречаюсь с ним на площади Вилла. Там он и продал мне птиц.

— Он лжет, — проговорил обвинитель. — Это вымышленная история, такая же фальшивая, как и птицы. Нет никакого индийского торговца, нет и никогда не было.

— Чем зарабатывает на жизнь твой отец? — поинтересовался Аятолла.

— Я ничего о нем не знаю. Он умер, когда я был еще маленьким, — ответил Рамин. — Меня воспитала моя мать, она работала посудомойкой в ресторане, а когда мне исполнилось десять, она умерла от рака. После этого я шесть лет жил с моим дядей, пока...

— Пока его не арестовали, — перебил обвинитель.

Он вытащил из стопки лист бумаги и начал читать.

— Его звали Корос Сафа. Еврей по рождению, бандит, коммунист. На его совести множество преступлений против наших людей и Революции, включая взрывы заминированных автомобилей на улицах по соседству с Парламентом, в которых погибли шестеро служащих Корпуса стражей. Три года назад его арестовали и над ним свершилось правосудие. Революционный Суд Его Святейшества Аятоллы Сехата нашел его вину достаточной и приговорил его к казни.

— Понятно, — произнес Аятолла с некоторой дрожью в голосе. Он откинулся назад, поправил тюрбан и подпер голову рукой. — Ты был осужден за какое-либо преступление раньше?

— Нет, — произнес Рамин.

Обвинитель кивнул в знак согласия.

— В таком случае ты отправишься в Центр Реабилитации Балбак на пятьдесят дней, чтобы научиться жить и работать, как подобает честному человеку. Храни тебя Аллах. Следующий. — Объявил Аятолла.

Двое гвардейцев защелкнули наручники на запястьях Рамина и вывели его из комнаты. Обвинитель взял еще один лист бумаги, просмотрел его и объявил:

— С разрешения Его Святейшества, я призываю на суд Бабера Шауля.

Мое сердце ушло в пятки, но я расправил плечи, поднялся и спокойно пошел вперед. Я спиной ощущал, как все в зале смотрят на меня. Я опустился на стул и постарался не смотреть на Аятоллу. Я сидел в очень неудобной позе, балансируя на самом краю стула и не понимая, куда деть руки и ноги. Это выглядело очень неестественно. Я привстал, чтобы передвинуться подальше, но неожиданно сел чересчур глубоко и сперва подумал, что падаю назад вместе со стулом. Тогда я кое-как подвинулся обратно и вцепился в ручки, чтобы удержаться. Я окинул взглядом помещение и остановился на Аятолле. Он облокотился на ручку кресла, теребя свою бороду толстыми пальцами.

«Предложение секса», — объявил тип преступления обвинитель. Аятолла приподнялся, наклонился вперед и уставился на меня, как врач, рассматривающий опасный вирус.

Для Аятоллы нет ничего более загадочного, чем секс. Это то, с чем, и в то же время без чего он не может жить, не может ни принять его, ни отвергнуть. В течение шестилетнего обучения в Исламской школе Фейзиех ему не разрешается видеться с женщинами, как заключенному. Он занят исключительно изучением теологии Ислама и узнаёт, что нет ничего более разрушительного, чем сексуальное желание. Он учится ненавидеть всех

биологов и психоаналитиков, которые утверждают, что секс — это естественно. И в то же время секс остается великой тайной его жизни. Он живет с ним, истязаемый и потерянный. После окончания обучения он берет себе жену. В течение последующих двадцати-тридцати лет он женится еще на пяти или шести женщинах, и некоторые из них вполнину младше его. Нет никаких ограничений. Он — воплощение закона. Но, несмотря на то, что у него есть несколько женщин, он не имеет права любить их. Никто из смертных не достоин его любви, — она вся должна достаться Аллаху. Женщинам доступно его тело, но не сердце.

Все пятнадцать Великих Аятолл Исламской Республики Иран создавали свои теории о том, как справляться с сексуальным влечением. Аятолла Хомейни, наш верховный лидер, пишет в своей книге «Политические, философские, социальные и религиозные принципы», что лучший способ избавиться от желания — это секс с животными. Он объясняет, что это приемлемый снять напряжение до брака. Однако, есть проблема: секс с курицей. Он пишет, что если мужчина имеет курицу, то ему нельзя готовить и есть её после этого. Также запрещается готовить и есть его семье и его соседям. Однако сосед, который живет через дверь, может ее съесть.

— Ваше Святейшество, могу я продолжить? — тихо спросил обвинитель.

Аятолла поерзал на стуле, и кивнул в знак согласия.

— В последние четыре месяца, — начал читать обвинитель, — Мы получили из различных источников информацию, что ресторан Морварид в северной части города — это место встречи преступников, наркодилеров и проституток. Месяц назад Революционная полиция начала надзор за этим местом и арестовала более сотни преступников. Вечером находящиеся при исполнении сотрудники увидели в ресторане Бабера Шауля. Он сидел там, пил пиво и разглядывал женщин. Революционная полиция направила агента под прикрытием, чтобы получить больше информации о подозреваемом. Когда стало понятно, что Бабер Шауль явился в ресторан за проституткой, подсудимый был задержан и доставлен сюда.

— Ну, что ты скажешь теперь? Как ты объяснишь, что ты оскорбил нашу веру? — спросил Аятолла.

Я чувствовал себя совершенно бессильным, безвольным. Моя голова раскалывалась от боли. Я хотел что-то сказать, но язык не слушался и больше походил на кляп.

— Ты лишь усугубишь свое наказание, если не будешь отвечать на вопросы суда, — сказал Аятолла и после небольшой паузы бросил: — Скажи что-нибудь!

Мои губы двигались совершенно механически. Не было никакой нужды в защите, наказание уже было определено. Наверное, меня заставляли говорить, только чтобы удостовериться, что я не немой.

— Я... Я...

Я потерял дар речи. Горло сжалось, как будто я кричал. Я нервничал, и это, казалось, только усиливало мою вину. С огромными усилиями я все-таки произнес несколько слов:

— Я раскаиваюсь в своем намерении. Но Ваше Святейшество, я же не совершил никакого преступления! Меня накажут за то, чего я не делал?

— Ты виновен и мыслью, и делом, — быстро проговорил Аятолла, — Намерения и действия — по сути одно и то же. Все преступления рождаются в уме, сперва как помыслы. Если мы окормляем их, они перерастают в намерения. Последняя стадия приходит сама собой. Аллах видит все. Ты собирался снять проститутку, и за это ты должен понести наказание. Я посылаю тебя в Балбак на шестьдесят дней, и там ты получишь возможность научиться жить, думать и вести себя так, как будет полезно для нашего общества.

Два гвардейца заковали меня в наручники и вернули в камеру. Рамин стоял за своей решеткой, очевидно, дожидаясь меня, чтобы поговорить. Но мне хотелось побыть в тишине. Я не желал слышать свой собственный голос. Не в силах принять свою судьбу, убитый горем, я опустился на пропахший мочой матрац. Я завернулся в одеяло, уткнулся в стену и заснул.

3

Я сидел в темном углу камеры и полужакрытыми глазами следил за бледными лучами октябрьского солнца, ползущими по серым стенам. Вскоре тонкая полоска света проникла в камеру и заструилась по полу. Она все расширялась, и тени от предметов сливались в полукруги. Свет падал на металлическую раму кровати, клочки журнала и пустую сигаретную пачку на полу. В скважине повернулся ключ, дверь отворилась, послышались шаги. Гвардеец заглянул ко мне в камеру, передал чашку чая и бутерброд с сыром. Он посмотрел на противоположную камеру и бросил:

— Просыпайся. Пора.

Рамин не шевелился. Он завернулся в одеяло по самые уши.

— Я сказал, просыпайся, мразь! — закричал гвардеец и пнул дверь. — Хорошо устроился, что ли?

Рамин поднялся и осмотрелся. Он зевнул, потер лицо ладонями и медленно выполз из своей постели. Гвардеец отдал ему завтрак. Перед уходом он рывкнул, чтоб мы готовились идти.

Мы с Рамином смотрели через заднюю дверцу тюремного фургона на переполненные дороги, куда нас увозили прочь. Ездить по улицам Тегерана никогда не было скучно. Город походил на огромную выставку с лабиринтом галерей. Все улицы были покрыты гротескными, яркими картинами, портретами, цитатами и слоганами. На фасаде банка Мелли был изображен Дядя Сэм с его знакомой дьявольской ухмылкой, кровь капала с его длинных когтей, в руках он держал сумку, наполненную детскими черепами. Под картиной было написано:

«Смерть Америке, Великому Сатане. Смерть Израилю, Малому Сатане».

На другой картине был нарисован *басидж*, доброволец-смертник. На нем был пояс со взрывчаткой, его большой палец лежал на кнопке, он бежал в здание с американским флагом, висящим над входом. Текст под картиной гласил:

«Наша цель — умереть во имя Аллаха. Если мы убиваем или умираем, мы попадаем в рай как мученики. Наши враги попадают в ад».

С высокого здания Министерства образования бесстрашно и решительно смотрел Аятолла Хомейни. Под портретом было напечатано одно из его известных изречений:

«Израиль — раковая опухоль, которая должна быть стерта с лица земли. Все американцы должны быть убиты, а их страна — уничтожена. Такова воля Аллаха».

Это не были произведения настоящих художников, которые хотели выразить свои мысли и чувства. Их создало Министерство исламской ориентации, машина пропаганды режима. Они отдали приказ, они профинансировали создание таких рисунков, их целью было продвижение ценностей Джихада, сопротивление влиянию западной культуры в нашем обществе. У картин не было ничего общего с историей Персии, с традициями, они были вратами в идеальный мир с точки зрения исламских фундаменталистов, канал передачи тайных мыслей Аятолл, интерпретация их понимания жизни, предназначения человека, рая, вечности, вызов всему западному миру.

Нас везли уже больше часа, но мы все еще не выехали из Тегерана. Возле площади Фиделя

Кастро мы свернули на узкую улицу, проехали два блокпоста и остановились перед серым зданием. Гвардейцы отворили заднюю дверь фургона и впихнули внутрь молодого человека. Дверь закрылась, и машина продолжила движение.

Новенький оказался высоким молодым парнем лет двадцати. Усталые серые глаза, покрасневшие веки — он не спал очень долго. У него были смуглые, лоснящиеся щеки, полные губы, крючковатый нос, он был настолько худым, что переносица отсвечивала белым цветом.

Через два часа мы наконец покинули город. Фургон выехал на трассу и направился на запад. Никто не говорил ни слова. Нас захватили наши собственные мысли и страхи. Я не имел ни малейшего представления о том, куда нас везли, весь знакомый мне мир ускользал, исчезал в тумане. По пути Рамин все время зевал, а другой парень бесцельно смотрел в окно.

Я решил нарушить тишину и задал вопрос, который касался всех нас:

— Ты не знаешь, где находится Балбак?

Рамин пожал плечами, отрицательно покачал головой и взглянул на молодого человека рядом с ним.

— Я точно не знаю, где он находится, — отозвался тот. — Много лет назад там находились

бараки, за много миль от цивилизации. А теперь там тюрьма.

— Я думал, это лагерь реабилитации, — произнес я.

— Это другое название для тюрьмы, — ответил он.

— Ты когда-нибудь там бывал?

— Нет, но я слышал об этом.

— Так всё-таки, как тебя звать? — спросил я.

— Амир, — ответил он. — А тебя?

— Бабер.

Рамин тоже представился.

— Что ты сделал? — Я спросил не столько из любопытства, сколько чтобы поддержать разговор.

— Они поймали меня пьяным с голой девушкой, — сказал он и громко расхохотался. — А ты?

— Я продавал птиц, — серьезно ответил Рамин. — Они говорят, это незаконно.

Последовал еще один взрыв хохота. Рамин тоже рассмеялся.

— С того момента, как эти ублюдки захватили власть, даже пернуть незаконно, — произнес Амир и повернулся ко мне. — А с тобой что?

— Я сидел в ресторане, когда они пришли за мной, — сказал я.

— И все?

— Честно говоря, не совсем. Я искал женщину.

— Да, удовлетворение естественных потребностей — гребаное преступление в этой стране, — произнес Амир. — Ты молод, здоров, хочешь женщину. Да кому на кой хер сдалась эта сраная Исламская Революция?

Гвардеец, сидевший рядом с водителем, повернулся к нам и проорал:

— А ну заткнулись, а не то я подойду и хари вам размозжу!

— Эти ублюдки только и могут. Размозжить, сломать, избить, убить, — сказал Амир.

— Я сказал, заткнулись! — гвардеец стукнул в окно.

Солнце было уже высоко в небе, когда фургон свернул с трассы, и мы направились вверх по крутому склону холма. Подъем был достаточно долгим, и старый двигатель громко завывал от напряжения. Менее чем через милю дорога разделилась надвое. Водитель повернул налево и повел машину к другому холму. Вода в радиаторе закипала, но фургон продолжал подниматься, кружа по пустынной, бесплодной земле, покрытой только что выпавшим снегом. Мы въехали в небольшой лесок, нас окружили высокие деревья и густой кустарник, затем — по грунтовой дороге на

север. Было видно, что по ней ездили крайне редко, она была очень узкой, тут и там попадались рытвины и канавы.

Фургон продолжал свой путь по мелким лощинам, высоким холмам, нас жутко трясло. Пока мы проезжали самые грубые колдобины, мы не говорили ни слова. Все наше внимание было сосредоточено на том, чтобы как можно лучше удержаться на месте, чтобы не удариться головой об потолок. Невозможно было понять, как далеко мы были от города. Однако, я все же попытался определить общее направление и то, как меняется ландшафт вокруг. Прошла, казалось, целая вечность, но, наконец, фургон замедлился, скалистый склон стал более ровным.

Немного дальше по дороге из-за деревьев возвышалась сторожевая вышка. Я увидел, что на ней стоял человек в белой форме и в меховой шапке, с винтовкой в руках. Появилась вторая вышка, фургон проехал дальше, и нашим взорам предстало блеклое здание, похожее на старый завод. Его и прилегающую территорию окружал забор высотой около восьми футов, с колючей проволокой наверху. Фургон остановился у главных ворот. Водитель поприветствовал гвардейца и протянул ему бумаги на подпись, потом они отворили заднюю дверь и приказали нам выходить.

— Это, по крайней мере, лучше, чем сидеть в клетке или в этом фургоне, — произнес Рамин, потягиваясь.

Я несколько раз глубоко вдохнул, наполнив легкие свежим воздухом, и поднял глаза на обшарпанные стены здания, высокие сосны вокруг него и небо, затянутое зловещими облаками. Долина внизу уже скрылась в тенях. Все это место было каким-то совершенно диким, впечатляющим и далеким от цивилизации.

Вдалеке появился джип, он приблизился, проехал вокруг нас и остановился. Двое мужчин в шинелях и шапках вышли оттуда. Один держал охотничью винтовку, у второго, по всей видимости, главного, на поясе висел пистолет. Он взял бумаги у гвардейца и принялся их изучать.

— Меня зовут Брат Табар, — сказал он, сделав шаг в нашу сторону. — Я — начальник Балбака. Когда вы нарушаете законы нашего общества, вас отправляют сюда, ко мне. Балбак — это организация, которая создает порядок из хаоса. Наша главная цель — обеспечить идеологическое и религиозное руководство, а также профессиональную помощь. Здесь множество правил и почти нет привилегий. Душ раз в неделю, стрижка раз в месяц. Вам предстоит работать, чтобы оплатить ваше содержание. Если вам не нравится работа, мы вас научим ее любить. Газеты

и книги запрещены. Пока вы здесь, вам не нужно знать, что происходит в остальном мире. Днем вы будете работать, а по вечерам изучать Священный Коран. Неповиновение нашим правилам ведет к наказанию и изоляции. Мне не нравится назначать наказания, но я сломаю любого, кто пойдет против меня. Я требую от вас чистоты дел и помыслов.

Он остановился и посмотрел на нас. Он хотел увидеть выражение наших лиц и, видимо, оно ему понравилось, так как он направился обратно к джипу.

— Дальнейшие инструкции вам даст Брат Голи.

Брат Голи был уменьшенной копией Брата Табара, но у него было совершенно леденящее выражение лица. Казалось, он принадлежал к тому типу людей, которые наслаждаются возможностью назначать наказания. Он был низок, страдал плоскостопием, имел мускулистую шею и мощные плечи. Когда он шел, он покачивался как утка. Я решил, что он агрессивен, но нельзя было точно сказать, зол он или нет. Он кивнул, покачал головой и что-то промямлил. Он вел себя, как будто только что купил нас в качестве рабов. Он зажег сигарету, все еще глядя на нас своими пороссячьими глазками, и в уголках его рта шевелилось что-то похожее на улыбку.

Балбак состоял из трех зданий, в каждом из которых находились две дюжины железных кроватей. Большой дымоход из черного кирпича начинался на первом этаже и проходил через все здание до самой крыши. Спереди строения от крыши до пола тянулась большая трещина, и по ночам можно было слышать завывания ветра. Все другие стены были так изъедены селитрой, что им пришлось положить несколько слоев дерева под арками спален, чтобы строение не обрушилось. Уборная располагалась на первом этаже. Ее стены были измазаны следами грязных рук, исписаны именами, датами, богохульствами, стихами, — ручкой, ножом, ногтем.

Здесь не было политических заключенных или убийц. Политических активистов, мыслителей, художников, писателей и философов отправляли в тюрьму Эвин, где большинство из них казнили или пытали до смерти. Убийц, торговцев наркотиками или последователей запрещенных религий, таких как Бахай, Буддизм или Индуизм, отправляли в обычные революционные тюрьмы. Насильников, гомосексуалистов и педофилов казнили, так как Аятоллы полагали, что они заражены неизлечимой болезнью. Балбак отличался от всех прочих тюрем. Это было что-то типа исправительного лагеря, предназначенного для предотвращения мелких преступлений. И в то же время в нем было все, что

должно быть в тюрьме. Его охраняли вооруженные люди, окружала колючая проволока, в нем были камеры, железные двери, цепи и замки. Самым страшным преступником в Балбаке был угонщик автомобилей, которому отрубили левую руку. Все остальные попадали сюда за распитие алкоголя, за то, что ели в общественном месте во время священного месяца Рамазан, за то, что слушали музыку, встречались с девушками или носили западную одежду.

Участие в *аль-саляте*, ежедневной молитве, было обязательным. Это была важнейшая часть программы реабилитации в Балбаке. Брат Голи проводил все молитвы, он изучал теологию и собирался стать аятоллой. После молитв мы посещали занятия по идеологии, которые тоже проводил Брат Голи. Обычно он начинал с вопроса. В ту ночь он спросил, знаем ли мы телефонный номер Аллаха. И когда он увидел пустое выражение наших лиц, он рассмеялся и произнес:

«Телефонный номер Аллаха — 24434». Он снова засмеялся и объяснил: «Это число наших молитв в течение дня».

Он стал объяснять нам историю, значение Творения и Пророчеств.

— Аллах сотворил Адама по Своему образу, так что мы все похожи на Него. Адам жил сто тридцать лет, и когда умер, он оставил две дюжины

детей. Каждый из них прожил пять сотен лет. После них был Ной, который жил две тысячи лет.

— Почему он прожил так долго, Брат Голи? — кто-то спросил.

— Почему? Потому что такова была воля Аллаха.

— Как выглядел мир, когда Аллах начал творить?

— В смысле?

— В смысле, кто жил тогда в Балбаке?

— В Балбаке никого не было. По правде, Балбак не существовал. Не было ни городов, ни улиц, ни стран, ни рек, ни гор. Не было ничего на Земле, не было и самой Земли.

— Как же Аллаху пришло в голову, что Он хочет создать мир? Откуда ему пришла эта мысль? — спросил другой заключенный.

— Он был чертовски одинок.

— Как выглядит Аллах?

— Как старый человек с белой бородой и добрым лицом.

— А что Он ест?

— Он ест самую вкусную пищу. Он ест жареную рыбу с рисом, овощами и оливковым маслом. А потом мороженое.

— Он ест один?

— Конечно же, нет. Он ест вместе с ангелами. Они готовят для Него, чистят Его трон и летают

вокруг, когда Аллах ест, чтобы он был счастлив, — объяснил Брат Голи.

Он глянул на часы и решил, что на тот вечер этого было достаточно.

В ту ночь я ни с кем не разговаривал. Я натянул одеяло на плечи и стал вслушиваться в ночные звуки. Я ничего не услышал, встал и подошел к окну. Небо было темным и туманным. Хлопья снега, лениво кружась, падали на землю. Весь ландшафт казался странным, далеким и нереальным. Как будто все, что я видел — это была лишь старая картина на старой стене. Я смотрел на вышки, на колючую проволоку вдалеке, и, казалось, что это итог всего моего настоящего и будущего.

Наутро все заключенные уже построились снаружи барака, ожидая команд Брата Голи. Трое гвардейцев принялись считать заключенных.

— Тридцать два здесь! — крикнул один из гвардейцев.

— Двадцать шесть здесь! — крикнул второй.

— Тридцать один здесь! — крикнул третий.

— Верно, — произнес Брат Голи. — Восемьдесят два, вместе с теми мудаками, которых привезли вчера. — И он прокричал команду идти вперед.

Наша колонна направилась в лес, мы несли кирки, кувалды и лопаты. Впереди шел гвардеец с

винтовкой, он указывал путь. Двое других следовали сзади. Мы двигались в полной тишине. Земля совершенно промерзла, казалось, что каждый наш шаг ударяется о металл. Было холодно, ледяной ветер разрезал воздух, срывая дыхание с губ, унося прочь мысли из головы.

Где-то через час мы оказались на открытой местности. Брат Голи приказал нам остановиться. Сперва он помочился на дерево, потом обошел поле и пометил пару мест на земле палкой, которую он нес. Он нашел плоское место на скале, присел и скрутил сигарету.

— Копать! — прокричал он и закурил.

Вскоре заключенные разделились на группы и начали рыть ямы в отмеченных местах. Рамин, Амир и я оказались в одной группе. Мы не знали, зачем все это было нужно, но все же начали пытаться пробить землю. Казалось, что это было совершенно невозможно: почва промерзла полностью. Я попытался отколоть куски киркой. Когда острый конец ударялся в землю, сыпались искры. Это было все равно, что пытаться вскрыть броневик. Я подобрал кувалду, махнул ею из-за плеч и ударил по земле. От удара мои кости задрожали, зубы застучали, в ушах зазвенело. Но гора, возникшая миллионы лет назад, не поддавалась.

— Человек должен быть сделан из чего-то более прочного, чем мясо, чтобы делать эту работу, — прошептал сквозь зубы Амир. — Я слишком мягок. Я могу умереть здесь...

Он поднял кувалду, осторожно, чтоб она не перевесила веред, и опустил ее, ударив по земле. Он продолжал бить в одно и то же место. Несколько комков отлетело в сторону, но дело совершенно не двигалось. Земля везде выглядела одинаково. Мягких мест не было. Я позволял руке скользить по рукоятке, я пробовал поднимать, вращать по кругу, ударять все весом тела. Мои глаза не видели, нос не ощущал запахов, в ушах отдавался звук молотов. Я продолжал работать быстрее, чтобы сохранить тепло.

Наконец, нам удалось пробиться сквозь верхний слой, и в земле начала образовываться яма. Под промерзшей поверхностью земля была мягче, и мы продолжили копать, вырыв пару футов. Потом мы добрались до корней. Наши инструменты застревали в них, и нам пришлось их выдергивать. Я никак не мог удержать кирку в замерзших ладонях. Она отскакивала от корней, дергалась в руке, на ладонях оставались мозоли. Вскоре несколько пузырей лопнули. Мои ладони шелушились, а раны были покрыты грязью. Я отложил топор и посмотрел на руки. Кожа отслаивалась, рана кровоточила.

— Копать! — прокричал Брат Голи.

Когда я поднял глаза, я увидел, что он направляется ко мне. Он толкнул меня так сильно, что я упал на спину. Я попытался подняться, но его нога припечатала мое лицо к земле. Я ощутил вкус почвы во рту, мои губы и щеки разрывались. Попытки сбросить его не принесли успеха. Он был тяжел, как мокрый мешок с песком. Он схватился за винтовку, и я подумал, что он собирается меня застрелить. Вместо этого он повернул ее и взялся за ствол. Приклад уперся мне в ребра, он давил все сильнее и сильнее. Боль была невыносимой, но я не мог кричать, не мог дышать.

— Ради Бога! — прокричал Рамин, схватив Брата Голи сзади.

Брат Голи попытался вывернуться, но Рамин крепко вцепился в него и не отпускал. Они оба попятнулись и упали. Брат Голи перекатился на живот, оперся на локти и встал на ноги. Не говоря ни слова, он схватил винтовку, нацелился на Рамина и выстрелил. Взрыв отозвался эхом в лесу. Пуля вошла в землю прямо над головой Рамина, подняв в воздух комки земли. Брат Голи взвел винтовку и выстрелил снова. Вторая пуля взрыла землю рядом с плечом Рамина. Потом он шагнул вперед и приставил дуло ко лбу Рамина. Рамин лежал на спине, прикрыв ладонями уши, и смотрел на Брата Голи.

— В следующий раз я не промахнусь, ты понял? — Сухо произнес Брат Голи, подняв свою винтовку. — А теперь за работу. Вы все! Копать! Копать!

Рамин механическим движением поднял лопату и посмотрел на нее. Он был оглушен, растерян, в глазах его виднелся страх. Он опустил голову, и тень гнева упала на его лицо. Он начал рыть землю так яростно, будто он представлял, как отрывает ноги и руки Брату Голи.

Мы продолжали копать. Я пытался представить, каким образом могли использовать наш труд. Мне пришло в голову несколько вариантов. Сперва я думал, что революционеры собирались заполнить ямы баками с горючим, но я отбросил эту мысль, ямы были слишком малы. Я решил, что они собираются использовать их для военных целей. Может, это для ракет. Но это не было похоже на правду, потому что русские не разрешили бы размещать ракеты так близко к их границам. Они могли расчищать местность под железную дорогу. Я вспомнил, что Сталин использовал труд заключенных при строительстве железных дорог в Сибири. Аятоллы могли последовать его примеру.

Когда ямы были достаточно глубоки и чисты, Брат Голи позволил сделать перерыв на пятнадцать

минут. Мы выпили чаю и обработали раны. Потом Брат Голи поднялся и крикнул:

— Закапывайте ямы! Пошевеливайтесь, вы, ни на что не годные говнюки! Вы даже не можете выкопать приличную яму. Закапывайте!

На следующий день, и в те дни, что были за ним, мы выкопали дюжины ям в мерзлой почве, закопали их обратно, и все, что мы чувствовали — это усталость и непонимание. Они хотели вогнать нас в отчаяние. Я видел боль и унижение в лице каждого. Иногда я останавливался и задумывался.

«Что-то неправильно! Да все неправильно!» — кричал мой внутренний голос.

Я ничего не понимал — ничего ни о чем. Я не понимал, почему я здесь. Абсурдом было все, и в первую очередь то, что мы все принимали. Мы принимали нашу жизнь, как будто мы заслуживали, чтобы с нами так обращались, как будто какая-то причина и следствие связывали все воедино. Все выглядело как сон, кроме мерзлой земли.

— Копать. Закапывать. Копать. Закапывать, — повторял Рамин, отрубая корни на каждое слово. — Вообще-то, мне нравится эта скучная жизнь. Ничего плохого не происходит, никаких ненужных волнений.

Однажды он запел песню о черных демонах, пришедших с далеких гор и вторгшихся на наши земли. Гвардейцы не остановили его. Они,

наверное, подумали, что он поет революционную песню. Они не понимали, что он пел об исламском режиме.

«Если черный демон ударит меня хлыстом», — пел Рамин, — «я поймаю хлыст и сброшу его с лошади, разобью его голову как орех. Человек в беде способен на чудеса. О, человек способен на великие деяния, которые разобьют темные чары. Этот день скоро наступит».

4

Мы изучали Коран каждый вечер. Когда Брат Голи читал по-арабски, это еще было терпимо, потому что мы не понимали языка, но иногда Брат Табар вел курс, переводя тексты и объясняя их нам. Было отвратительно слушать, как Аллах принуждал мусульман истреблять неверных. Брат Табар рассказывал, как Пророк Мухаммед убил семьсот евреев за то, что те отказались принять ислам. Он читал стихи о Джихаде и мученичестве, подводил их к войне против Ирака и Исламского международного терроризма. Он говорил, что убивать неверных — священный долг любого мусульманина. Потом он говорил о чудесах Пророка. Однажды он вспомнил, как тот вскочил на спину своего черного осла и полетел на небо, где встретился с Аллахом. Когда Брат Голи чувствовал,

что нам было достаточно убийств, он пытался смягчить образ Пророка, рассказывая о его женщинах. Он говорил об его тридцати двух постоянных женах, шестидесяти трех временных и всех его любовницах. Как-то раз он поведал нам, как Пророк встретил шестилетнюю Аишу, любовь всей своей жизни. Ее отец, Абу Бакр, заставил Пророка пообещать, что он не лишит ее девственности, пока той не исполнится девять. И хотя Мухаммед был безумно влюблен в маленькую девочку, он сдержал свое слово и ждал три года прежде, чем уложить ее в постель.

— Вы должны быть благодарны за то, что здесь находитесь, — постоянно напоминал нам Брат Табар. — Через десять лет вы переосмыслите ваш опыт, с радостью и благодарностью примете то, что мы дали вам: возможность заложить фундамент достойной жизни. Мы даем вам возможность понять единственную истинную веру в Аллаха и познать вашу жизненную цель. Главное, что вы должны усвоить, это четыре вещи: смерть, суд, ад и рай. Кто слышит слова Аллаха, вовек не согрешит.

Чем больше говорил Брат Табар, тем большее отвращение я испытывал к Аллаху и Пророку. Я не мог понять, верю я в Бога или нет. Мне было все равно, существует ли Он. Я понимал, что если Он существует — Бог, который знает начало и конец,

Бог, который вершит правосудие, Бог, который решает судьбы людей, — Он, конечно же, знал бы, что я усомнился в Его существовании, и посмеялся бы над моей глупостью. А если Бога нет, то о чем вообще волноваться? Я только не мог понять, как Бог с Его невообразимыми силами будет волноваться из-за такого ничтожного создания как я.

— Я не верю в то, что я услышал, — произнес Рамин, упав на кровать. — Он что, сказал, что Мухаммед был педофилом?

— У тебя что, с этим какие-то проблемы? — поинтересовался Амир.

— А у тебя нет?

— Лично у меня куда большие проблемы с идеей, что всякий неверный должен быть убит, потому что это означает убийство всех не-мусульман. У меня проблемы с идеологией, которая продвигает Джихад, — сказал Амир и повернулся ко мне. — Почему ты, черт побери, ничего не скажешь?

— А что мне сказать? — спросил я.

— Я всего лишь хочу знать, что за херню ты думаешь, вот и все. Я имею в виду, тебе что, плевать на всю ту чепуху, которую ты услышал тут?

— На эту чепуху — да. Мне насрать, был Мухаммед педофилом или убийцей. Он давно умер.

Моя единственная проблема в том, что люди, которые верят в его учение, управляют этой страной, и я в ней нахожусь, так что я — часть всего этого. И это моя проблема.

Две недели, наполненные тяжелым трудом и скудной пищей, пролетели незаметно. Однажды из-за облаков выглянуло солнце, но это не продлилось и часа. Хлопья снега сыпались со свинцового неба, укутывая землю, как саван. Я медленно начал привыкать к рутинной жизни заключенного, к абсурду, который гарантировал мне пищу и воду. Каждый день мы копали землю и закапывали ямы обратно. По вечерам продолжались уроки идеологии. Сперва все это угнетало меня, но прошло некоторое время, и мне стало наплевать. Я запретил себе думать, я просто выполнял то, что мне говорили. Большую часть времени я жил в своей голове. Я постоянно размышлял о том, как просто было бы сбежать. Но куда было идти в этой яме из скал и снега?

В конце третьей недели я столкнулся с новой проблемой: с голодом. Он начался так медленно, что сперва я его даже не замечал. Я никогда по-настоящему не понимал, что такое голод, но теперь я просыпался по ночам, чувствуя, как мой желудок требует хлеба. Еда была скудной, ее давали лишь два раза в день. Утром мы получали

два куска хлеба и чашку чая, а вечером, перед самым сном, они давали нам кусок хлеба с маслом. Я похудел. Большинство заключенных жаловались. Ситуация становилась опасной и непредсказуемой. Моя гордость и молодость заставляли меня скрывать страдания перед другими, но постоянное чувство голода не давало мне покоя, питало мой гнев и в то же время наполняло меня страхом.

Иногда по утрам я был не в состоянии работать. Когда я поднимал топор, у меня кружилась голова, и я в тупом удивлении смотрел на землю, не понимая, где я и что со мной происходит. Мне оставалось только мечтать и представлять себе что-нибудь приятное. Дни шли, и я все больше жил внутри себя, в том вымышленном мире, который сам себе создал. Этот мир был полон сигарет, женщин и вкусной еды. Мысли и образы постоянно врывались в мое воображение. По ночам все только усиливалось. Голод приносил с собой недоверие, ужас и страх смерти. Я продолжал думать о побеге, и каждый раз говорил себе, что я побегу завтра, но страх сковывал меня. Балбак был похож на клетку, а я был словно лев, желающий вырваться на свободу.

На третьей неделе гвардейцы привели нас на вершину холма на самом краю леса. Брат Голи отметил места на земле, и мы копали три часа,

прежде чем он разрешил сделать перерыв. Мы побросали инструменты и направились к большому термосу с чаем. Брат Голи сидел на скале, куря сигару, а двое гвардейцев следили за раздачей чая. Третий гвардеец стоял на стволе упавшего дерева и смотрел на заключенных. Я мельком глянул на покрытый льдом склон холма, снова на гвардейцев, потом снова на склон. Внезапно я осознал, что если я собирался бежать, было самое время это сделать. Я бесшумно опустился на спину и поехал вниз. Когда я достиг подножия, я осмотрелся — нет ли вокруг гвардейцев. Но никто даже не заметил моего отсутствия. И я побежал.

Кусты были низкие, густые, и я прорывался вперед на четвереньках. Ветки хлестали меня по лицу. Преодолев некоторое расстояние, я нашел дорогу, но решил не идти по ней и вернулся в заросли. Путь до соседнего холма через замерзшие кусты оказался непростым. Выдохшийся и усталый, я стоял на вершине и смотрел назад. Оттуда земля выглядела куда ярче, чем небо, и это было жутковато.

Пока я спускался, казалось, что земля разрасталась передо мной. Высокие деревья покрывали равнину, отбрасывая темно-синие тени в лучах зимнего заката. Небо было темным, и верхушки деревьев терялись на его фоне. Снег повалил большими, рыхлыми хлопьями, замедляя

мои следы. Воздух казался тяжелой снежной пеленой, я едва мог идти сквозь него. Лес становился темнее, а запах елей сильнее.

Холод и сырость просачивались сквозь носки. Мои пальцы оцепенели, лицо замерзло и потеряло чувствительность. Я остановился, поправил ремень, застегнул верхние пуговицы куртки, обхватил себя руками, и продолжил идти. Земля была неровной, я постоянно спотыкался. Один раз я сильно упал на грудь. Я поднялся сперва на колени, потом на ноги. Через два шага я снова упал. Я пополз вперед на четвереньках, пока тропа совсем не потерялась в зарослях, а потом и вовсе исчезла, оставив меня в самом сердце темной и дикой местности. Я бездумно пошел вперед по снегу, пошатываясь, не понимая, где я был, куда я шел, я лишь с усилием передвигал ноги, уходя все дальше в лес. Холод поймал меня в тиски. Если бы я замерз и умер, никто бы никогда не нашел мое тело.

Мои глаза устали, но, внезапно, взглядевшись в темноту, я заметил свет. Я едва мог отличить кусты от деревьев. Я потер глаза тыльной стороной ладони и через силу попытался разглядеть, что было впереди. Впереди определенно был свет. Я пошел дальше, проталкиваясь сквозь кусты и ветки, не отводя взгляда от него. Когда я подошел ближе, я увидел изгородь фермы. Желтый свет мерцал сквозь окно дома. Вид его обескуражил меня,

угасил прилив адреналина, оставив меня голодным и усталым. В ответ на мой слабый стук дверь отворилась, широкоплечий мужчина с рыжей породой возник в проеме.

— Файзулла! — закричал он, увидев меня и обхватив меня своими огромными руками. — Слава Богу! Входи, входи.

Когда он затолкал меня внутрь, вся семья собралась посмотреть на меня, они кричали, что уже потеряли всякую надежду, что я приду. Все говорили, что начали думать, что я заблудился в лесу, и они думали, когда отправлять группу на поиски. Я стоял в совершенной растерянности, не понимая, о чем они говорят.

— Ты простудился, — произнесла женщина средних лет, как мне показалось, мать семейства. — Вижу, ты дрожишь. Тебе надо выпить горячего кофе, чтобы согреться.

Сказав это, она налила кофе в чашку. Я был так измотан, мне было так холодно, что меня не заботило, что они говорили. Я стоял перед камином, повернувшись к ним спиной. Я не хотел смотреть на них. Мне нужно было побыть одному. Мать семейства передала мне кофе, я выпил его быстрыми глотками. Почти сразу же я почувствовал, как мне становится теплее. Потом она предложила мне присоединиться к семье за столом.

Передо мной поставили тарелку горячего супа. Я посмотрел на суп и на лица собравшихся за столом. Семья представляла собой пару средних лет с детьми. Кто-то положил в середину стола большую буханку свежего хлеба. Старик, вероятно, дедушка, сел во главе стола. Я отломил кусок хлеба, обмакнул его в суп и отправил в рот.

— Ты знаешь, как это опасно, заблудиться в бурю, — спросил меня бородатый мужчина. — Даже те, кто знает лес хорошо, могут потеряться в такую погоду. Он ждал, пока я отвечу, но я молчал, и он продолжил:

— Если я не ошибаюсь, это было восемь лет назад, в год Лисы — он взглянул на жену, та кивнула в ответ. — Та зима была самой тяжелой. Снег шел день и ночь целый месяц без перерыва, затем были два месяца ледяного ветра и жутких морозов. Было так холодно, что камни раскалывались. Если плюнуть, слюна замерзала, не долетая до земли. В тот вечер я решил срезать и пойти напрямую, а не по обычной тропинке. Это была ошибка. Все знают, что нельзя идти напрямую в бурю. Я заблудился и провел в лесу всю ночь. К счастью, моя зимняя куртка и сапоги были сделаны из меха бобра, и у меня была с собой бутылка «сома». Иначе, я бы здесь не сидел.

— Он в безопасности сейчас, — произнесла мать, кивая, глядя на меня.

— Да, и я надеюсь, это послужит тебе уроком. Никогда не ходи напропалую через эти холмы, — сказал он.

— Ты кидаешься куда-то сломя голову, когда ты влюблен, не правда ли? — произнесла она, и все рассмеялись.

— Можешь повидаться с ней, если хочешь, — предложил он.

— Не до свадьбы, — перебила мать. — Это дурной знак.

— Ну для нас он не оказался дурным, не правда ли? — сказал он и рассмеялся. — Ты помнишь ту ночь в амбаре?

— Заткнись, Меди, — с улыбкой прикрикнула она, хлопнув его по плечу.

— Ханна! — Позвал Меди, глядя на лестницу. — Ты где? Ханна?

Наверху отворилась и тут же закрылась дверь. Секундой позже молодая девушка начала спускаться по лестнице.

— Ты звал меня, папа? — тихо сказала она. Она медленно подошла к столу, почти что не двигаясь.

— Да, идем, посиди с нами, — произнес Меди, обращаясь к ней. — Файзулла здесь. Он прошел через бурю, любовь к тебе едва не стоила ему жизни.

Ханна взяла стул и присоединилась к остальным за столом. Я успел мельком ее разглядеть. Это была миниатюрная, очень худая девочка, длинные черные волосы закрывали часть ее лица. Ей было около шестнадцати, и как я понял, она должна была выйти замуж за парня, которого звали Файзулла. Я не понимал, что за гребаная помолвка у них состоялась, потому что было очевидно, что никто из них не видел Файзуллу раньше.

— Все мои одиннадцать сыновей и дочерей сочетались браком рано, — продолжал Меди. — Все вокруг хотят жениться на девочках одиннадцати-двенадцати лет. Моей жене едва исполнилось одиннадцать, когда она вышла за меня. Хорошо жениться на молодых. Дети будут сильными и здоровыми. Другое преимущество в том, что ты сам перестаешь гулять. Кстати, как там идет война? Есть хорошие новости с западных границ? Мы тесним врага?

— Все в порядке, — механически ответил я.

— В твоем последнем письме ты писал, что главный враг — это не арабы, а погода, — произнесла мать семейства.

— Ага, — ответил я, глядя в тарелку.

— Ты убил много арабов? — спросила она. — Надеюсь, да. Они наши враги.

— Да.